

Она была лишь одной из многих золотых птичек в золотой клетке.

На пальто оставалось тепло женского тела. Стоило принюхаться, как в нос ударил едва уловимый аромат агарового дерева. Этот запах действовал на Ло Ханьян успокаивающе, вызывая инстинктивную привязанность. Она осознала, что это феромоны Сы Тинъюэ, и невольно опустила взгляд. Железа, уже прикрытая блокаторм феромонов, отозвалась слабым, радостным трепетом, словно почуяв рядом самого близкого человека.

Оголенная кожа, еще недавно зябнувшая от холода, теперь согрелась, и по телу разлилось приятное тепло. В носу предательски зашипало. Сы Тинъюэ только что спросила, не обидел ли ее кто-нибудь... Ло Ханьян пребывала в смятении: она ведь так устала, с самого утра на ногах, выслушала поток оскорблений от Шэн Цзинцзин, терпела угрозы, что ее выживут из компании, и не знала, что будет делать после расторжения контракта.

Ло Ханьян думала, что справится со всем в одиночку, но стоило прозвучать этому простому вопросу, как она поняла: она вовсе не такая сильная, как ей казалось.

Опустив голову, Ло Ханьян втайне досадовала на свою слабость — она даже ответить толком не могла, куда подевалось все ее актерское мастерство?

Лицо Сы Тинъюэ тут же помрачнело.

— Вы совершенно правы, совершенно правы, — Режиссер Ван, неизвестно когда подоспевший, улучил момент, чтобы бесцеремонно вклиниться в разговор. — Но это же требования сценария... Хе-хе, в следующей сцене я велю Сяо Ло надеть что-нибудь потеплее! Две кофты наденем!

Ло Ханьян поспешно замахала руками и замотала головой, тихо пробормотав:

— Нет... ничего подобного, меня никто не обижал.

Она не удержалась и украдкой взглянула на женщину перед собой. Ведь все эти обиды были причинены именно из-за нее.

Спустя мгновение, словно боясь, что ее слова звучат неубедительно, она нервно добавила:

— Все учителя ко мне очень добры, да и на съемочной площадке все хорошо.

Ради того, чтобы угодить Сы Тинъюэ, режиссер Ван был готов переименовать Пылкую любовь жарким летом хоть в Пылкую любовь поздней осени!

Сы Тинъюэ, однако, было не до него. Поскольку Ло Ханьян все время смотрела в пол, она так и

не увидела ее выражения лица и была вынуждена слегка согнуть колени, чтобы заглянуть ей в глаза.

Холод ранней осени был пронизывающим: даже закаленные альфы с трудом его переносили, что уж говорить о Ло Ханьян — омеге, которая только что прошла через метку и была крайне слаба.

В носу щипало еще сильнее, и невольно глаза Ло Ханьян подернулись влажной пеленой.

Сы Тинъюэ тоже почувствовала, что что-то не так, смягчила тон и снова тихо спросила:

— Скажи мне, тебя кто-то обидел?

Еще подходя, она заметила, что все вокруг в верхней одежде, и только ее Ло Ханьян в одной футболке.

Режиссер Ван не смел перечить Сы Тинъюэ: компания Ши Юй внесла львиную долю средств в этот проект, и если Сы Тинъюэ вдруг рассердится и отзовет инвестиции, вся съемочная группа понесет колоссальные убытки.

Ло Ханьян отступила на шаг от внезапно сократившейся дистанции и подняла голову. Влага в глазах исчезла, оставив лишь одну кристально чистую слезинку на длинных густых ресницах.

Она была настолько потрясена мощной аурой Сы Тинъюэ, что не могла пошевелиться, лишь неосознанно хлопала глазами, и ее густые ресницы порхали, словно крылья испуганной бабочки.

Сы Тинъюэ уже начала подозревать, не вставляет ли кто-то намеренно палки в колеса.

— Кто тебя обидел?

Сы Тинъюэ еще смеет ее об этом спрашивать!

Молчание Ло Ханьян лишь усилило недовольство Сы Тинъюэ. Она нахмурилась:

— На улице так холодно, а съемочная группа даже не удосужилась подготовить теплую одежду.

Слезинка скатилась по щеке, и Ло Ханьян поспешно смахнула ее рукой.

Голос Сы Тинъюэ стал еще холоднее и суровее, в нем чувствовалась властность человека,

привыкшего повелевать. В конце концов, в оригинальной истории вокруг Ло Ханьян не было людей, которые искренне желали бы ей добра.

Аура Сы Тинъюэ была слишком подавляющей, Ло Ханьян не могла ей противостоять.

— Если что-то случилось, обязательно скажи мне, я помогу тебе.

Сы Тинъюэ тяжело вздохнула, но не стала устраивать допрос на глазах у всех. В конце концов, пока она рядом, никто не посмеет обидеть ее подопечную.

Сы Тинъюэ нежно поправила край пальто, который вот-вот готов был сползти с плеч Ло Ханьян. Вырез футболки был широким, открывая полоску белоснежной кожи, отчего у Сы Тинъюэ потемнело в глазах.

Она не подала виду и, прежде чем убрать руку, намеренно провела кончиками пальцев по этой нежной коже — ее пальцы были горячими.

Почувствовав тепло тела, принадлежащего именно этому человеку, Сы Тинъюэ удовлетворенно прищурилась.

Ло Ханьян не заметила этого едва уловимого жеста. Как только рука женщины отстранилась, она сама схватилась за лацканы пальто. На ней эта вещь была слишком велика, приходилось постоянно придерживать ее, чтобы не упала.

А те слова — если что-то случится, обязательно скажи мне, я помогу тебе — продолжали крутиться в голове Ло Ханьян, и ее взгляд потускнел.

Да и чем Сы Тинъюэ может ей помочь?

Она всего лишь одна из многих золотых птичек, а птичка остается птичкой — нельзя смешивать работу и личную жизнь. К тому же, неизвестно, какую цену придется заплатить за помощь госпожи Сы.

У нее уже не было пути назад, приходилось полагаться только на себя.

— Кхм, кхм.

Заметив, что атмосфера становится все более странной, режиссер Ван неловко кашлянул. Хотя госпожа Сы все это время не обращала на него никакого внимания, сцена была снята лишь наполовину, а несколько десятков человек из съемочной группы просто стояли без дела — нельзя же так затягивать процесс!

Режиссер Ван набрался смелости и пробормотал:

— Госпожа Сы, у меня тут съемки...

— Мы ведь только на середине! Если хотите ворковать друг с другом, подождите, пока закончим!!

Разумеется, это режиссер Ван мог кричать только у себя в мыслях, а на лице у него сияла фальшивая профессиональная улыбка.

Сы Тинъюэ отвела взгляд, прикованный к Ло Ханьян, и кивнула ему. Это был первый раз, когда она по-настоящему присмотрелась к режиссеру Вану: низенький, пухлый мужчина средних лет.

Сы Тинъюэ холодно кивнула в знак приветствия.

Режиссер Ван выдохнул с облегчением, успокаивая себя: «Босс не злится, босс не злится, босс не злится».

На прощание Сы Тинъюэ сказала Ло Ханьян:

— Работай хорошо, я не буду тебе мешать.

Она развернулась, позвала Сяо Гао, и они вдвоем покинули площадку.

Режиссер Ван, наконец, проводил эту грозную особу и заметно приободрился. Он выудил откуда-то рупор и скомандовал:

— Хватит стоять! За работу! Эй, ты... да, ты, сходи принеси госпоже Ло белую школьную форму!

Девушка, к которой он обратился, тут же побежала выполнять поручение.

Сы Тинъюэ села на краю площадки, надела темные очки и небрежно полистала сценарий, лежавший на столе — чей-то чужой. Она жестом показала окружающим:

— Продолжайте, не обращайтесь на меня внимания.

Сказав это, она погрузилась в чтение.

Персонал был настолько напуган, что боялся дышать. Все, как по команде, отступили на несколько шагов назад, пытаясь выбраться из зоны действия ледяной ауры госпожи Сы.

Лишь Сяо Гао с самого прихода молча следовала за Сы Тинъюэ. Теперь, глядя на женщину, которая сидела, закинув ногу на ногу, с грацией и достоинством, она не могла сдержать тяжелого вздоха.

В душе Сяо Гао отчаянно взывала: «Госпожа Ло, откройте глаза! Не дайте себя обмануть этой серьезной маской!»

Только она видела то, что скрывалось за темными очками Сы Тинъюэ. Та вовсе не читала сценарий — ее взгляд, подобно волку, затаившемуся в чаще, был неотрывно прикован к прекрасной девушке, сиявшей на съемочной площадке.

Она не сводила с нее глаз ни на секунду!

<http://bllate.org/book/21471/2197039>